

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ КАМУФЛЯЖА

В Инженерном корпусе Третьяковской галереи открыта выставка работ **Владимира Баранова-Россинэ (1888—1944)**, одного из знаковых персонажей своего времени.

Великим художником он не стал, потому что сказать «о своем» и «по-своему» у него не получалось. Он вобрал в свои картины все стили и направления, но внятного синтеза и — главное — того единого нерва, который связывает Пикассо 1907 года с Пикассо 1939 года, в его картинах найти невозможно.

Полукружия ранней мондриановской «Яблони» («Дерево»). Тона пейзажей Сезанна («Деревушка в Нормандии»). Аналитический кубизм — но не парижский, а наш, отечественный, с привкусом манерного дендизма («Автопортрет» с тщательным прямым пробором и челкой). Иконопись («Автопортрет с кистью», где темная рука «выплывает» из шахматного плоского одеяния). Он любил Эдварда Мунка, ездил в Норвегию, но вынес оттуда не мужественную тоску экспрессионистов, а бесконечный пафос древних эпосов, из которого произросла не только его «Христиания», но и «Сфинкс» с рериховскими небесами. Очевидное достоинство его многоликости в том, что он не стал «эпигоном» и «последователем». Баранов-Россинэ создал многочисленные картины-пародии: на Веласкеса («Лежащая женщина»), «Сюрреалистических красавиц» и даже на ракурсы Родченко («Айседора Дункан»), но не нужно думать о нем как о талантливом компиляторе. Просто по складу ума он был, скорее, ученым, исследователем, экспериментатором. И «свое» он все-таки создал — это он придумал «Хамелеон» (теперь известный как «камуфляж») и «звукоцветовое пианино». Это не все — у него было несколько патентов на изобретения.

Эмигрировав из СССР, Баранов-Россинэ проехал через Европу и обосновался в Париже. В сорок третьем году (вместе с очень немногими смельчаками из богемы, которым грозило куда меньше, чем ему с его еврейским происхождением) отказался уехать в более безопасное место: «Это мой дом, и я ничего не боюсь». В сорок четвертом он погиб в Освенциме.

В.Р. Баранов-Россинэ - 30 лет. - С. 7

Дарья АКИМОВА